

своими войсками на открытом месте как раз напротив наших линий, где он и раскинул свои алые шатры. Так все оставалось до самого утра понедельника, когда все, кто был на кораблях, транспортах и на галерах, привели в готовность свое оружие и технику. Жители Константинополя теперь страшались наших войск куда меньше, чем во время первого штурма. Они были настолько уверены в себе потому, что на стенах и башнях было полным-полно людей.

И тогда начался мощный и яростный приступ, и каждый корабль рванулся вперед; шум битвы был таким оглушающим, что казалось, будто земля разлетается на куски.

Штурм длился, пока Господь наш не поднял ветер Борей, который подогнал суда поближе к берегу. Два корабля, связанные вместе, из которых один назывался «Пилигрим», а другой «Рай», подошли к башне, один с одной, а второй с другой стороны, как направляли их Бог и ветер, и лестница «Пилигрима» дотянулась до башни. В мгновение ока некий венецианец и французский рыцарь Андре Дюрбуаз взошли на башню, а вслед за ними двинулись и другие. Защитники башни были разбиты и кинулись наутек.

Когда рыцари на борту транспортов увидели это, они высыпали на берег и приставили лестницы вплотную к стенам. Сражаясь, они стали взбираться наверх и захватили еще четыре башни. И тогда остальное войско с кораблей, транспортов и галер пошло на приступ, кто как мог; они взломали трое ворот и ворвались в город. Начали выводить коней из транспортов; рыцари вскакивали на них и мчались прямо к тому месту, где император Мурзуфлус разбил свой лагерь. Он выстроил свои отряды перед шатрами, но, как только греки увидели перед собой верховых рыцарей, они кинулись врассыпную, а сам император бросился бежать по улицам ко дворцу Буколеон.

Затем последовали резня и грабежи; греков убивали направо и налево, забирали как добычу и их ездовых лошадей, и боевых коней, и мулов, и жеребят, и прочее добро. Убитых и раненых было столько, что не сосчитать. Большая часть знатных людей Греции кинулась к Влахернским воротам. Но в то время уже миновало шесть часов, и наши люди устали сражаться и убивать. Войска стали собираться на большой площади Константинополя. Они решили расположиться вблизи захваченных стен и башен, ибо считали, что не ранее чем через месяц возможно полностью занять город с его великими церквями и дворцами, с таким множеством народа.

Все было сделано в соответствии с планом. Основная часть армии встала лагерем вблизи своих кораблей, покинув укрепления. Граф Балдуин Фландрский и Эно расположился в алых шатрах императора Мурзуфлуса, которые тот оставил на месте, а его брат Анри – перед Влахернским дворцом; Бонифаций, маркиз Монферратский, и его люди – ближе к самой густонаселенной части города. Вот так вся наша армия встала в Константинополе и вне его, а сам город взят в понедельник перед Вербным воскресеньем.

Граф Луи Блуаский, должен я добавить, который всю зиму мучился от перемежающейся лихорадки, спокойно почивал всю эту ночь и не мог, как все остальные, взяться за оружие. Это была великая потеря для войска, ибо он был весьма доблестным рыцарем, но сейчас у него было ложе на одном из транспортов.

Наши воины, утомленные и уставшие, этой ночью отдыхали. Но император Мурзуфлус собрал своих людей и сказал, что атакует французов. Однако он не сделал того, что собирался, а укакал по другим улицам как можно дальше от тех, которые были заняты нашим войском, пока не подъехал к Золотым воротам, через которые бежал, покинув свои силы. Вслед за ним последовали и другие греки. Но наша армия об этом ничего не знала.

В эту ночь рядом с тем местом, где расположился Бонифаций, маркиз Монферратский, какие-то люди, опасавшиеся, как бы враг не напал на них, разожгли огонь между ними и греками. Огонь начал распространяться в городе, который пылал всю ночь и весь следующий день до вечера.

С той поры, как французы и венецианцы пришли сюда, это был третий пожар в Константинополе, и домов сгорело больше, чем их имеется в трех самых больших городах королевства Франция.

Эта ночь прошла, и настал следующий день вторника. Рано утром все, и рыцари, и сержанты, вооружились, и каждый встал в свой боевой отряд. Они выступили с места своих стоянок, думая, что встретят сопротивление куда большее, чем накануне; ведь они не знали, что ночью император бежал. Но против них никто не выступил.

Маркиз Бонифаций Монферратский проскакал вдоль всего берега, прямо к дворцу Буколеон. Как только он появился перед ним, дворец был ему сдан на условии, что всем его обитателям со-